

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Брик Лиля

(1891–1978)

Маяковский познакомился с ними в июле 1915 года. Осип Максимович Брик и его жена, Лиля Юрьевна, люди достаточно обеспеченные, проявили сочувственное внимание к Владимиру Владимировичу, угадав в нем большой поэтический талант. Познакомила их младшая сестра Лили Юрьевны — Эльза, впоследствии французская писательница Эльза Триоле. Это за ней, еще до знакомства с Бриками, начал ухаживать Маяковский, бывал у нее дома, пугая добропорядочных родителей Эльзы своими футуристическими выходками.

Ухаживание было вполне успешным. Много лет спустя в своей книге под несколько манерным названием «Тетрадь, зарытая под персиком» Эльза сделала такое признание: «В течение двух лет у меня не было никакой другой мысли, кроме как о Владимире, я выходила на улицу в надежде увидеться с ним, я жила только нашими встречами. И только он дал мне познать всю полноту любви. Физической — тоже».

После смерти отца — в июле 1915 года — Эльза приехала в Петроград к Брикам. И на свое несчастье пригласила туда Маяковского. Он пришел, читал свое «Облако в штанах»... Именно в тот вечер, как утверждает Эльза Триоле, все и случилось: «Брики отнеслись к стихам восторженно, безвозвратно полюбили их. Маяковский безвозвратно полюбил Лилю...»

«Ослепительная царица Сиона еврейка» «умела быть грустной, женственной, капризной, гордой, пустой, непостоянной, влюбленной, умной и какой угодно», — отмечал Виктор Шкловский. Искусствовед Н. Пунин записал в дневнике: «Зрачки ее переходят в ресницы и темнеют от волнения; у нее торжественные глаза; есть наглое и сладкое в ее лице с накрашенными губами и темными веками...»

Родилась Л.Ю. Брик в Москве в 1891 году, в семье юриста Урия Александровича Кагана и Елены Юльевны, урожденной Берман. Отец большую часть своего времени уделял проблемам, связанным с правом жительства евреев в Москве. Мать, уроженка Риги, училась в Московской консерватории и была отличной пианисткой, писала стихи, сочиняла к ним музыку, устраивала у себя дома музыкальные вечера. Как и младшая дочь Каганов, Эльза, Лили (именно так звали ее на самом деле, Лилей ее придумал называть Маяковский) опекалась дома гувернанткой француженкой, училась в частной гимназии, в 1909 году поступила на математический факультет Высших женских курсов. Но интерес к математике вскоре ослаб, и девушка подалась в архитектурный институт — на отделение живописи и лепки... Весной 1911 она уехала в Мюнхен и около года училась скульптуре в одной из студий. В конце 1915 увлеклась балетом. Устроив в одной из комнат станок, стала брать уроки у балерины Александры Дорийской.

Так называемую «личную» жизнь она начала очень рано. «Едва-едва сформировавшись, Лиля стала привлекать к себе мужское внимание, притом отнюдь не юнцов, — повествует Аркадий Ваксберг в своей книге «Лилия Брик. Жизнь и судьба». — Еще гимназисткой она ощутила свою безграничную власть над сердцами, которая лишала рассудка, казалось бы, трезвых, имеющих жизненный опыт людей». Отчаянные прожигатели жизни из среды «золотой молодежи» вымаливали у нее «час наедине» и за него готовы были выложить большие деньги...

«...Среднего роста, тоненькая, хрупкая, она являлась олицетворением женственности, — утверждала подруга Лили А. Дорийская, дававшая ей уроки танца. — Причесанная гладко, на прямой пробор, с косой, закрученной низко на затылке, блестящей естественным золотом своих воспетых... (в поэме В. Маяковского «Флейта»

позвоночник») «рыжих» волос. Ее глаза действительно «вырывались ямами двух могил» — большие, были карими и добрыми; довольно крупный рот, красиво очерченный и ярко накрашенный, открывал при улыбке ровные приятные зубы... Дефектом внешности Лили Юрьевны можно было бы почитать несколько крупную голову и тяжеловатую нижнюю часть лица, но, может быть, это имело свою особую прелесть в ее внешности, очень далекой от классической красоты».

Одна из мемуаристок восклицала: «Боже мой! да ведь она некрасива. Слишком большая для маленькой фигуры голова, сутулая спина и этот ужасный тик».

«Сам Федор Шалапин, которому были, пожалуй, доступны все красавицы мира, обратил благосклонный взор еще на Лилю-подростка и пригласил на спектакль, — утверждает А. Ваксберг. — Люди театра знали, сколь точен был, как правило, выбор певца и что именно должно было следовать за приглашением в ложу. К счастью, на этот раз обошлось, иначе, возможно, жизнь блистательной барышни сложилась бы совершенно иначе».

Когда очередная любовная история юной Лили закончилась беременностью, ее отправили в глушь — подальше от позора. Там ее ожидал то ли аборт, то ли искусственные роды, после чего Лиля навсегда лишилась возможности иметь детей...

С Осипом Бриком она познакомилась тринадцатилетней. Новый друг был старше ее на четыре года. Осип Максимович оказался выходцем из богатой купеческой семьи. Родительские сделки, видимо, приносили доходы, если у отца была возможность даже в военных условиях впоследствии содержать семью сына в большой петроградской квартире. Прошло время, и зимой 1912 года (по другим сведениям, в марте 1913) состоялась свадьба Лили и Оси, как она называла мужа. Известно, что родные Брика были против его брака с Лилей, но Осип заупрямился. Окончив юридический факультет Московского университета, он не работал по специальности, а служил в фирме отца. Позднее стал юрисконсульту ЧК...

В июле 1914 года чета Бриков переехала в Петроград. Их квартира стала своеобразным маленьким салоном, где бывали футуристы, писатели, филологи, танцовщицы, деловые люди... Осип Брик, по словам Шкловского, «держал в доме славу Маяковского». Актом меценатства и расположения его к Маяковскому стало издание поэмы «Облако в штанах», которую никто не хотел печатать.

Перед поэмой появилось имя (посвящение: «Тебе, Лиля»). Лиле Брик была посвящена — уже самым прямым образом — и поэма «Флейта-позвоночник». Страсть поэта потрясла воображение читателей пылающими метафорами.

И небо,
в дымах забывшее, что голубо,
и тучи, ободранные беженцы точно,
вызарю в мою последнюю любовь,
яркую, как румянец у чахоточного.

По мнению биографов, чрезвычайно впечатлительный, легко ранимый, постоянно подвергавшийся нападкам прессы, только у матери и сестер находивший приют и ласку, Маяковский с распахнутой душой откликнулся на сочувствие и внимание, проявленные к нему Бриками. Будучи человеком по-рыцарски благородным, он, несмотря ни на какие личные обстоятельства, до конца жизни сохранял в душе теплые чувства к тем, кто когда-то помог ему, а в предсмертном письме назвал Л.Ю. Брик среди членов своей семьи.

Поэт снял жилье неподалеку от Бриков и все свободное время проводил у них. Познакомил Осю и Лилю со своими друзьями: Николаем Асеевым, Давидом Бурлюком, Василием Каменским, Борисом Пастернаком, Велимиром Хлебниковым. В этом гостеприимном доме они засиживались допоздна. Лиля Юрьевна частенько говаривала: «Подождите, будем ужинать, как только Ося придет из Чека». Сама она (сие обнаружено совсем недавно) тоже имела удостоверение этого печально известного заведения. Зная этот факт,

нетрудно объяснить ее «легкие» выезды за рубеж. И многое, многое другое... «При Дзержинском состоял... кровавейший следователь ВЧК Яков Агранов, эпилептик с бабьим лицом... — так характеризовал Роман Гуль человека, которого у Бриков ласково называли Яней. — Он убил многих известных общественных деятелей и замечательных русских ученых: проф. Тихвинского, проф. Волкова, проф. Лазаревского, Н.Н. Щепкина, братьев Астовых, К.К. Черносвитова, Н.А. Огородникова и многих других... Это же кровавое ничтожество является фактическим убийцей замечательного русского поэта Н.С. Гумилева».

...В мае–июне 1918 года Лиля и Маяковский снялись в главных ролях в киноленте со странным названием (по сценарию Владимира Владимировича) «Закованная фильмой». Она играла балерину, он — художника. Именно в этот период поэт подарил Лиле кольцо с буквами ЛЮБ в круге, чтобы можно было непрерывно читать их «люблюблюблюблюблю...» Внутри кольца было написано: «Володя». А вскоре Маяковский прописался в доме, где жили Ося и Лилия. В марте 1919 вместе с ними переехал в столицу... Об обожаении поэтом «Лилички» вскоре знала уже вся Москва. Однажды некий чиновник посмел пренебрежительно отозваться об «этой Брик», и Маяковский, развернувшись, от души вlepил ему по физиономии: «Лилия Юрьевна — моя жена! Запомните это!»

Они действительно жили одной семьей, никаких сомнений в этом быть не может. В октябре 1921 Лилия писала из Риги своим «милым щеняткам и кискам — Осикку и Володику»: «Посылаю вам 10 коробок шпрот, 3 кор. овсянки, 4 ф. чаю, 2 ф. кофе, 1 ф. какао, 5 ф. шоколаду, 2 ф. конфет. Не прозевайте посылку и смотрите, чтобы все в ней оказалось... Посылки мои совсем неинтересные, но ничего интересного здесь нет из еды, а предметы роскоши невыносимо дороги».

Присылала она своим мужчинам и башмаки, кальсоны, материю для костюмов Осе и Володе, а также для юбок своей прислуге (в ее квартире, как правило, жило не меньше двух домработниц, которые среди прочего убирали за многочисленными животными, обитавшими в доме). Еще она уговаривала своих «милых деток»: «Осик, не завидуй Володиной подкладке — твоя гораздо лучше и дороже, к сожалению, для Володика такой уже не было... купила себе замечательное непромокаемое пальто, вязаный костюм, вязаное платье, две шляпы, башмаки, ботинки, ночные туфли; починила шубу, купила несколько материй на платья и белье. Все это здесь ужасно дорого. Зато приеду шикарная!! Нервы мои ужасно поправились — не узнаете!» «Пишу вам с каждым курьером. Целую! Милые! любимые! родные! светики! солнышки! котятки! Щенятки! Любите меня! Не изменяйте! А то я вам все лапки оборву!!! Ваша киса Лилия».

В другом письме утверждалось следующее: «...Я уже писала вам, что абсолютно верна вам...»

Иногда ее осеяла догадка, и она спрашивала Маяковского: «Напиши честно — тебе не легче живется иногда без меня? Ты никогда не бываешь рад, что я уехала? — Никто не мучает! Не капризничает! Не треплет твои и без того трепатые нервочки!..»

В ответ Маяковский успокаивал Лилию Юрьевну: «...Мы с Оськой по возможности ходим вместе и только и делаем что разговариваем о тебе (тема: единственный ч-к на свете — киса). Вообще мы с ним очень дружим...»

Часто в своих письмах Лилия Юрьевна делала следующую приписку: «Осик, Володик, не показывайте никому мои письма. Желающим читайте выдержки вслух».

Она просила Маяковского: «Напиши для меня стихи». В это время поэт начал работу над поэмой «Люблю», которую завершил к приезду Лили из Риги. Он подарил возлюбленной рукописный экземпляр своего нового произведения с подзаголовком: «Милым Кисам заместо объяснений и писем».

В конце 1922 года в их отношениях назрел первый кризис. Два месяца работал Маяковский над поэмой «Про это». Художник А. Родченко, с согласия автора, оформил поэму фотомонтажами, чем еще более подчеркнул ее реальную основу. На обложке,

например, дан фотопортрет Л.Ю. Брик. Как ни «смирал» в себе Маяковский интимное, «становясь на горло собственной песне» во имя общего, социально-разумного, тема любви брала свое.

Чтобы понять личные мотивы этого произведения, надо оглянуться назад. Отношения Маяковского с Лилей Брик складывались неординарно с самого начала. По свидетельству Лили Юрьевны, она только через три года «могла с уверенностью сказать» О.М. Брику о том, что они с Маяковским любят друг друга.

Л. Брик писала о том, что ее отношения с мужем «перешли в чисто дружеские, и эта любовь не могла омрачить» их тройственную дружбу. О дальнейшей жизни сказано: «Мы с Осей больше никогда не были близки физически, так что все сплетни о “треугольнике”, “любви втроем” и т. д. — совершенно не похожи на то, что было. Я любила, люблю и буду любить Осю больше, чем брата, больше, чем мужа, больше, чем сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах, ни в какой литературе».

В последнем утверждении, вероятно, нет ничего удивительного. И еще: «Я не могла не любить Володю, если его так любил Ося». Вряд ли тут что-либо надо объяснять, настолько все это действительно ни на что не похоже. Ведь каждый из Бриков в это же время имел по второй семье на стороне, а еще раньше Лиля Юрьевна пыталась распространить эти принципы в лефовском окружении.

Об этом рассказано в воспоминаниях художницы Е.А. Лавинской, одно время близко общавшейся с Бриками: «“Хорошая жена сама подбирает подходящую возлюбленную своему мужу, а муж рекомендует жене своих товарищей”. Нормальная семья расценивалась как некая мещанская ограниченность. Все это проводилось в жизнь Лилей Юрьевной и получало идеологическое подкрепление в теориях Осипа Максимовича».

Если откровенно, Осип Брик был достаточно равнодушен к эротической стороне любви, и поэтому подобного рода конфликты в «семье» не возникали. К тому же, повторимся, у него в течение нескольких лет сохранялась постоянная связь с другой женщиной...

Уже в старости Лиля Брик потрясла Андрея Вознесенского таким признанием: «Я любила заниматься любовью с Осей. Мы тогда запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал...» — «Она казалась мне монстром, – признавался Вознесенский. – Но Маяковский любил такую. С хлыстом...»

В дневнике Маяковского во время его двухмесячной разлуки с Лилей появилась такая запись: «Я люблю, люблю, несмотря ни на что и благодаря всему, любил, люблю и буду любить, будешь ли ты груба со мной или ласкова, моя или чужая...»

У Лили имелся свой подход к мужчинам, который действовал, по ее мнению, безотказно: «Надо внушить мужчине, что он замечательный или даже гениальный, но что другие этого не понимают. И разрешать ему то, что не разрешают ему дома. Например, курить или ездить куда вздумается. Остальное сделают хорошая обувь и шелковое белье».

Одна из ее подруг вспоминала: «Влюблялась Лиля часто — красивая, рыжая, наверное, сильно бушевали в ней “страсти-мордасти”; из-за Пудовкина даже чуть не отравилась...» Между тем чувства других людей Лиля Юрьевна в расчет не принимала. В своем кругу позволяла себе высказываться о Маяковском иронически: «Вы себе представляете, Володя такой скучный, он даже устраивает сцены ревности»; «Какая разница между Володей и извозчиком? Один управляет лошадей, другой — рифмой».

Что касается его переживаний, то они, видимо, мало трогали Лилю Юрьевну, наоборот — она видела в них своеобразную «пользу»: «Страдать Володе полезно, он помучается и напишет хорошие стихи».

В ее собственной жизни ничего не менялось. Была совместная с Маяковским поездка в Ленинград, потом — вместе с Бриком — за границу. О своей встрече в Берлине с Бриками и Маяковским вспоминает Л.Е. Белозерская, вторая жена М. Булгакова:

« — Кто это? — спросила громким, на всю комнату голосом Брик, показывая без стеснения на меня, чем живо напомнила мне образ и поведение княгини Тугоуховской из “Горя от ума”.

Потом, попозже, Маяковский сказал, обращаясь к Брик:

— Лисичка, нам пора домой...»

А в июне 1924 года родились строки поэта: «Я теперь свободен от любви и от плакатов».

Что же произошло? Л. Брик призналась Маяковскому, что не испытывает больше прежних чувств к нему. Факты указывают на вполне правдоподобную причину — очередное увлечение Лили Юрьевны, на сей раз А.М. Краснощековым (Абрамом Моисеевичем Тобинсоном), председателем Промбанка и заместителем Наркомфина. Лицо более чем важное, не чета «простому пролетарскому» поэту... Когда впоследствии над Краснощековым, который неплохо погрел руки на государственных деньгах, сгустились тучи, Лиллю Юрьевну, его «официальную» любовницу, не тронули. Хотя могли бы... «Что делать? — жаловалась она Маяковскому, когда тот находился в Париже в 1924 году. — Не могу бросить А.М., пока он в тюрьме. Стыдно! Так стыдно, как никогда в жизни. Поставь себя на мое место. Не могу. Умереть — легче...»

За Краснощековым следовали все новые и новые увлечения: Асаф Мессерер, Фернан Леже, Юрий Тынянов, Лев Кулешов. Для Лили крутить романы с близкими друзьями было так же естественно, как дышать. Приятное разнообразие в ее жизнь вносили и регулярные поездки в Европу. А Маяковский все чаще сбегал в Париж, Лондон, Берлин, Нью-Йорк, пытаясь найти за границей прибежище от оскорбительных для его «чувстватромады» Лилиных романов.

«После возвращения Маяковского из Америки в ноябре 1925 г. отношения между ним и Лилей окончательно перешли в новую фазу, их интимной жизни пришел конец, — подтверждает и автор-составитель книги “Знаменитые евреи” Э. Бройтман. — В декабре 1925 г. Маяковский получил квартиру в Гендриковом переулке на Таганке, куда переехал с Бриками в апреле 1926 года... Интересно, что Лилиа Юрьевна и Маяковский въехали в эту новую квартиру тогда, когда их «супружеская» жизнь кончилась. Это еще одно свидетельство глубокой дружбы, связывавшей их».

«Может быть, без нее было бы больше счастья, но не больше радости, — мудро заметил о Лиле Юрьевне В. Шкловский. — Не будем учить поэта, как жить, не будем переделывать чужую, очень большую жизнь, тем более что поэт нам это запретил». Разумеется, не будем. К тому же это и невозможно...

О своей встрече с Л. Брик, состоявшейся в середине 1920-х, вспоминала литератор Лидия Гинзбург: «...Одета она была по-домашнему просто, в сером свитере. По-видимому, мыла голову, и знаменитые волосы были распущены. Они действительно рыжие, но не очень, — и вообще на рыжую она не похожа. Тон очень приятный (не волос, а ее собственный тон).

Когда мы вышли, Шкловский спросил:

— Как вам понравилась Лилиа Брик?

— Очень.

— Вы ее раньше не знали?

— Я знала ее только в качестве литературной единицы, не в качестве житейской.

— Правда, не женщина, а сплошная цитата?» «Семья» Бриков по-прежнему опекалась Маяковским, и с переезда в общую квартиру фактически им целиком обеспечивалась, («Все благополучно. Жду денег» — обычный вариант телеграфных посланий Лили.) В четырехкомнатной квартире поэту принадлежала одна комната. Смежная с нею была общей столовой или гостиной. Две остальные занимали Брики.

«...Самое для меня неприятное то что ты сидишь должно быть без единого грошика все к тебе пристают а Осипу не на что ехать на Волгу, — со свойственным ему отсут-

ствием каких-либо признаков пунктуации писал Маяковский Брикам в июле 1926 года, находясь в Симферополе. — Если так пойдет дальше через недельку вернусь в Москву. Мне без Вас милые мои и родные совсем невозможно и скучно... Если вы не напишете все про себя я сейчас же начну вымирать со скуки. Целую все все лапки и головки тебе и оську в лысину. Любите меня пожалуйста и не забывайте а я весь ваш Счен».

Лиля Юрьевна, как и раньше, имела большую власть над Маяковским. Привязанность поэта к ней была настолько сильна, что мешала ему в отношениях с другими женщинами. Л. Брик легко относилась к его увлечениям, но сразу «принимала меры», если чувствовала, что дело заходит далеко. Например, когда Владимир Владимирович отдыхал в Ялте вместе с Натальей Брюханенко, писала ему: «Пожалуйста, не женись всерьез, а то меня все уверяют, что ты страшно влюблен и обязательно женишься!» Маяковский оправдывался в письмах: «Никакие мои отношения не выходят из пределов балдежа». А когда Лиля узнала о его чувстве к Татьяне Яковлевой, на которой поэт «всерьез» собирался жениться, то отрезала: «Ты в первый раз меня предал...» Но ей ли было произносить подобное?!

Легко догадаться, что женитьба Маяковского «всерьез» означала бы для Брик определённые финансовые неудобства — ведь поэт нес немалые расходы по обеспечению их жизни. Письма Лили Юрьевны пестрели бесконечными просьбами о деньгах. Включался в это и Осип Брик. «Киса просит денег», — телеграфировал он в Самару Маяковскому. Владимир Владимирович оплачивал ее заграничные поездки, выполнял бесконечные заказы — от дамских туалетов до — «Очень хочется автомобильчик! Привези, пожалуйста!» Да еще «непременно Форд, последнего выпуска...»

Как человек широкой души, поэт даже в стесненных обстоятельствах не оставлял без внимания ни одной просьбы Брик.

Вот какие «сувениры» заказывала Лиля Маяковскому из Парижа:

«Рейтузы розовые 3 пары, рейтузы черные 3 пары, чулки дорогие, иначе быстро порвутся... Духи Rue de la Paix, пудра Hubigant и вообще много разных, которые Эля посоветует. Бусы, если еще в моде, зеленые. Платье пестрое, красивое, из крепжоржета, и еще одно, можно с большим вырезом для встречи Нового года».

Хотя вряд ли Лиля Юрьевна бедствовала. Человек энергичный и деловой, она много работала. Чего стоят хотя бы такие факты. В июле 1926 года Л. Брик была ассистентом А. Роома на съемках фильма «Евреи на Земле». Весной 1928 в качестве режиссера вместе с В. Жемчужным начала съемки кинофильма «Стеклянный глаз». В эти же годы работала над сценарием ленты «Любовь и долг», переводила теоретические работы немецких литераторов Гросса и Виттфогеля. Помимо киносценариев известны ее теоретические работы о Достоевском, поэтах XX века. Ее скульптуры (бюсты Маяковского, Брика, очередного мужа — Катаняна, автопортрет) хранятся в музеях и частных коллекциях. «Маяковский все переживал с гиперболической силой — любовь, ревность, дружбу», — как-то призналась Л. Брик. И в конце концов рука поэта не дрогнула, целясь из револьвера в собственное сердце...

Никто и никогда не узнает, каким был в действительности роковой мотив этого поступка. Разрыв отношений с Татьяной Яковлевой? Принявшая резкие формы критическая кампания против Маяковского? Ложное положение в РАПП, куда его формально приняли, но по-прежнему считали чужим, «попутчиком»? Провал «Бани» в театре? Не находивший завершения роман с Вероникой Полонской, с которой его познакомили те же Брики в то время, когда представляли определенную опасность его отношения с Яковлевой?

«В те самые дни, когда он штурмовал Татьяну в Париже любовными письмами и телеграммами, ничуть не менее бурным его атакам подвергалась в Москве (а в июле — августе — на Черноморском побережье, куда она выезжала с театром на гастроли) Вероника Полонская, — констатирует А. Ваксберг. — В комнате в Лубянском проезде, куда

«тайком» приходили письма из Парижа, Маяковский чуть ли не ежедневно — и тоже тайком — встречался с Норой». Так друзья называли Веронику Полонскую.

Когда размышляешь о причинах гибели Маяковского, невольно вспоминается одно свидетельство. Иностранка Лиля Герреро, впервые увидевшая поэта, на его вопрос: «Почему вы на меня так смотрите?» — ответила: «Знаете... я думала, что вы бог, а у вас глаза неудачника». Потом она объясняла: «Его взгляд, как мне показалось, загорался, когда он чувствовал тепло восхищения или любви, но потухал, когда его не поддерживал этот огонь, в котором он так нуждался...»

В последний раз поэт увиделся с Лилей Брик 18 февраля 1930 года. В тот день Лиля и Ося уезжали в Берлин и Лондон, как значится в официальных документах, «осматривать культурные ценности». Складывается впечатление, что эта совместная поездка — а Брики уже много лет куда вместе не ездили — была в первую очередь нужна не им, а кому-то еще. Похоже, что их просто в нужное время убрали из столицы. 15 апреля в одном из берлинских отелей их ожидала вчерашняя телеграмма, подписанная Аграновым: «Сегодня утром Володя покончил с собой».

В Москве обезумевшую от горя Лилю ждал еще один удар: предсмертное письмо Маяковского (тоже почему-то написанное за два дня до смерти!): «Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо». Верная себе Лиля тут же позвонила Полонской и попросила не приходить на похороны, чтобы «не отравлять своим присутствием последние минуты прощания с Володей его родным». Нора не пришла — в это время ее как раз вызвали к следователю...

Последняя открытка от Лили Маяковскому была отправлена из Амстердама 14 апреля того же года, в день убийства поэта. Позднее она писала: «Если б я в это время была дома, может быть, и в этот раз смерть отодвинулась бы на какое-то время». Значит, свести счеты с жизнью поэт, «горлопан и бунтарь» пытался не единожды?..

«Если бы он мог видеть, сколько друзей шло за его гробом и как плакали люди совершенно ему посторонние, он ни за что бы не решился убить себя второй раз», — сказал один из современников.

Как ни странно, Лиля Юрьевна стала неофициальной вдовой поэта, а также редактором, составителем и комментатором его книг. В 1940 году Л.К. Чуковская вспоминала, как ездила в Москву к Брикам по поводу издания однотомника В. Маяковского. «Общаться с ними было мне трудно, — признавалась Лидия Корнеевна, — весь стиль дома — не по душе. Мне показалось к тому же, что Лиля Юрьевна безо всякого интереса относится к стихам Маяковского. Не понравились мне и рябчики на столе, и анекдоты за столом... Более всех невзлюбила я Осипа Максимовича: оттопыренная нижняя губа, торчащие уши и главное — тон не то литературного мэтра, не то пижона... была удивлена небрежностью их работы, полным равнодушием к тому, хорош ли, плох получится однотомник, за который они в ответе».

Когда стихи Маяковского стали предавать забвению, именно Лиля Юрьевна отправила в Кремль на имя вождя тревожное письмо по этому поводу. На это послание легла резолюция Сталина: «Тов. Ежов, очень прошу Вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление...» А через два года имя Лили Юрьевны было вычеркнуто из «черных» списков врагов народа. «Не будем трогать жену Маяковского», — сказал Сталин...

В 1945 скончался Осип Брик, а «дважды вдова» прожила еще тридцать три года. Для нее никогда не существовало пресловутого «железного занавеса» — в Париж она ездила чаще, чем в санаторий. Частично это можно объяснить тем, что сестра ее, Эльза Триоле, была женой писателя-коммуниста Луи Арагона. Но лишь частично...

Лиля Юрьевна говорила, что у нее было четыре мужа: О. Брик, В. Маяковский, В. Примаков (видный советский военачальник, расстрелянный в 1937) и Василий Катанян. С литератором Катаняном она прожила на удивление долго. На закате своих дней Лиля Юрьевна одевалась исключительно у знаменитого модельера Ив-Сен Лорана. В конце 1950 — начале 1960-х годов в ее доме бывал композитор Микаэл Таривердиев, написавший тогда вокальный цикл на ранние стихи В. Маяковского. Лиля Юрьевна сама пригласила молодого автора бывать у нее на обедах по средам.

«Тогда ей было под семьдесят, – писал М. Таривердиев в своей книге воспоминаний “Я просто живу”. – Но она и тогда оставалась удивительно красивой. Вероятно, это был один из самых интересных домов в Москве. Здесь пересекались самые разные люди... В этом доме бывали Луи Арагон, Эльза Триоле, Надя Леже, Плисецкая... Помню, она подарила мне только что вышедший том изданной ею личной переписки с Маяковским. Книга оставила у меня двойственное впечатление. Уж очень интимное, чего, вероятно, широкая публика не должна была знать, проступало в этой книге. Я сказал об этом Лиле Юрьевне... она ответила мне: “Я хочу, чтобы пока я жива, все, что связано с Маяковским, стало достоянием всех. Желающих извратить наши отношения, уверяю вас, предостаточно”. Она так и подписала эту книгу: “Микаэлу Таривердиеву. Эта книга о правде и кривде Маяковского”».

Но Лиля Брик мешала советским литературоведам выстраивать образ поэта-трибуна, социалистического реалиста. В начале 1970-х закрыли старый музей Маяковского в Гендриковом переулке, где жили Брики и поэт в 1926–1930-е, и открыли новый, в проезде Серова, где у Маяковского была рабочая комната и где он покончил с собой. С этой же целью ретушировались многие фотографии, где Маяковский запечатлен с Лилей Юрьевой.

Пасынок Лили Юрьевны Василий Катанян вспоминал: «12 мая 1978 года, рано утром, ЛЮ упала возле кровати и сломала шейку бедра. В преклонном возрасте — а ей было почти 87 лет — это не заживает, и больной обречен на постельный режим. От операции она решительно отказалась. Летом мы перевезли ее на дачу в Переделкино... В школьной тетрадке, которая лежала у нее на кровати, она написала слабеющим почерком: “В моей смерти прошу никого не винить. Васик! Я боготворю тебя. Прости меня. И друзья, простите. Лиля”.

И, приняв таблетки, приписала: “Нембутал, нембут...” Согласно ее завещанию пепел был развеян в подмосковном поле... “Я завещаю после смерти меня не хоронить, а прах развеять по ветру, – при жизни говаривала Лиля Юрьевна знакомым. – Знаете, почему? Обязательно найдутся желающие меня и после смерти обидеть, осквернить мою могилу...”»